

НАУКА

СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ

Совместный выпуск СО РАН и "Советской Сибири"

ВВ взрывался идеями

Признаюсь: перед встречей с этими химиками волновался больше, чем с другими учеными. Причина проста: основателя научной школы академика Владислава Владиславовича Воеводского никогда не видел и не знал. Он рано — воистину во цвете лет — умер, а мои профессиональные интересы в то время были обращены не к науке, а к промышленности. Хотя с его многочисленными учениками знаком был давно. Но для человека, зарабатывающего пером, важно личное знакомство с тем, о ком пишешь. Образ складывается из деталей: манеры говорить и острить, внешности, голоса, привычек и т. д. А в данном случае — никаких воспоминаний. Известно только одно: человек был выдающийся, ученый блестящий, а его идеи живы и развиваются до сих пор. Он изо дня в день словно взрывался ими.

Когда писал о научных школах Лаврентье-

ва, Будкера, Беляева, Ржанова, Борескова и других основателей, то работе очень помогло, что был с ними знаком, не раз их слушал и видел в самых разных ситуациях — в дискуссиях, на торжественных мероприятиях, всевозможных конференциях и в кабинетах, в том числе и в редакционных.

А на этот раз — полное незнание. Вот почему с волнением думал: а сумеют ли химики рассказать о Воеводском так, как будто встречаться доводилось с ним и мне? Сразу скажу: сумели. Потому что своего учителя, а это бесспорно выявилось при встрече, они не только уважали, но и любили. Но тут «назрел» почти обязательный вопрос нынешней молодежи: за что конкретно?

Пусть сначала отвечает на этот вопрос ученик Воеводского академик Ренад Зиннурович Сагдеев.

«Органы сидения»

— Я перевелся в Новосибирск из Казанского университета в 1963 году, — рассказывал Ренад Зиннурович. — Но перевелся, когда посмотрел НГУ. Университет мне так понравился, что остался в Сибири.

Когда был уже на последнем курсе, то услышал, что создается новая, на стыке наук, кафедра химической физики. А возглавил кафедру еще тогда член-корреспондент Воеводский. Даже студенческие воспоминания о нем неплохо сохранились в памяти. Потом работал и стажером. А всего полтора года был знаком с ВВ — так его называли все. Но полтора незабываемых года... Воеводский производил неизгладимое впечатление.

Поясню. Он редко, но раз или два раза в год проводил так называемые сидения. На них он собирал всех — студентов, аспирантов, сотрудников и даже просто желающих. И каждому присутствующему полагалось с полной открытостью сказать все, что он думает, о своих руководителях, о науке, куда и как ей дальше развиваться. Руководители с такой же открытостью

и честностью должны были сказать, что они думают о своих студентах и подчиненных.

Такие сидения занимали целый день, а то и два. Следовательно, сказать, что это был час исповеди, нельзя. А после издавали газету с весьма забавным названием «Органы сидения», с полным и открытым отчетом. И это было, на мой взгляд, замечательно и полезно. Никаких обид не помню. ВВ всегда предупреждал: «Вы должны говорить по «гамбургскому счету», напоминая о борцах, которые никак не могли договориться, кто же из них самый сильный. Наконец, они договорились встретиться в Гамбурге и честно бороться. Ну и ВВ всегда настаивал на том же — честно бороться, то есть именно так работать и говорить.

В то время я был комсомольцем. ВВ обязательно приходил на комсомольские собрания. Молодежи, особенно рабочей, уделял постоянное внимание. На одном из собраний зашла речь о Хрущеве, которого, конечно, было за что обвинять. Но ВВ встал и сказал:

— Вы не понимаете Хрущева и того, что он сделал. Он совершил революцию в нашем сознании. Потом, позднее, ему памятник поставят.

Возможно, тогда он понимал

происходящие перемены лучше других, потому что его отец тоже попал под репрессии.

ВВ старался поддерживать молодых не просто словами, а действиями, решениями. После университета я решил поехать на международную конференцию в Германию, которая проходила на острове Рюггел. А Ковальский, бывший директор нашего института, замечательный ученый, но человек, как говорится, старой закаски, выступил против поездки. Мол, молодой еще, пусть в институте учится. Но ВВ не согласился.

— Не согласен, — сказал он. — Молодых надо поощрять с раннего возраста. Пусть едут за границу.

...Тут же уместно сделать одно пояснение. Академик Воеводский был вправе заступить на директорскую должность. И пришло время, когда ему эту должность предложили. Он категорически отказался, заявив, что пока член-корреспондент Ковальский директор, он ни при каких обстоятельствах заменять его не будет. Глубоко уважал Ковальского, и порядочность ему этого не позволяла. Так что ВВ никогда не был директором института. В заместителях ходил. Уточню еще, что в нашей встрече принимали участие ученики Воеводского, двое из которых были директорами института химической кинетики и горения — академики Юрий Николаевич Молин и Юрий Дмитриевич Цветков. А академик Сагдеев сейчас директор Томографического центра СО РАН и заместитель председателя СО РАН. Выходит, что ученики его обогнали в должностном росте. Но уверен, что ни одному из них это в голову не приходит. Для них ВВ — величина абсолютная и постоянная. В науке ценят людей не по должностям.

— Расскажу еще вам, — продолжал Ренад Зиннурович, — как Воеводский проводил семинары. Это было замечательно.

Институт химической кинетики и горения СО РАН.

После каждого доклада он выступал с небольшим комментарием. Особенность этих комментариев состояла в том, что непонятное в произнесенных докладах после ВВ всем становилось понятным. У него была попросту уникальная способность из услышанного «вытягивать» суть, самое главное.

На свои семинары он приглашал далеко не только сотрудников нашего института. Ему всегда был интересен сторонний взгляд, оценка исследовательской работы с другого «края». Он приглашал обсуждать химические проблемы не только, положим, математиков или биологов, но и философов. ВВ очень заботился о расширении кругозора своих учеников. Одно время он увлекался науками о жизни, биологией и приглашал в институт академика Дмитрия Георгиевича Кнорре и его сотрудников, и они нам рассказывали о проблемах биологии. Но так как ВВ был всегда очень занят, он нередко собирал нас у себя в коттедже. Особенно в последние годы жизни. Раз в месяц у него бывали поочередно сотрудники всех лабораторий института, включая научную молодежь и студентов. И это не были фор-

мальные встречи. Он рассказывал о своих зарубежных поездках, итальянском искусстве, показывал слайды и всех угощал.

— И вином? — спросил у Сагдеева.

— А почему нет?! — удивился он. — И вином, конечно. Эти встречи очень помогали ВВ держать руку на пульсе, узнавать, чем живет коллектив.

Кроме того, он был очень известный человек в науке. Широкие связи у него завязались еще в Москве, когда он был деканом элитного вуза. Поэтому к нам приезжало много иностранцев, и в общении с ними трудностей не возникало. ВВ знал пять или шесть языков — уже точно не помню. Но помню, что он свободно переводил с итальянского на испанский или с испанского на французский. Он еще в детстве получил первоклассное образование.

В Сибирском отделении Воеводский многое сделал по научному приборостроению. В сущности, был его основателем. Кроме того, ВВ по праву считался первоклассным спортсменом. Еще в юности он играл за сборную института по баскетболу

(Продолжение на 8—9-й стр.)

Академик Ренад Зиннурович Сагдеев.